

Пролог

Выстрел. Пуля дернула волосы у виска — Юра отшатнулся и прилип спиной к арке. Еще два выстрела из темноты, но на этот раз пули свистят где-то в стороне — похоже, противник не видит его в кромешной тьме. Это хорошо, плохо то, что сам он, капитан Юрий Жданов, тоже его не видит. Эти детишки с дорогими айфонами, в шмотках в четыре его зарплаты окончательно распоясались.

Капитан попытался вспомнить, сколько патронов в магазине. Пять, точно пять. Его противник где-то во тьме, света в городе нет уже три часа, но район-то Жданову знаком, пять лет тут участковым бегал, — двор тупиковый, так называемый колодец, все двери черных ходов давно заколочены, деваться этому уроду со спущенными подтяжками некуда.

Все вышло из-под контроля одиннадцать часов назад. Зажравшееся стадо, разбавленное радикальными националистами и подкормленное из-за границы, вывалило на улицы с диким лозунгом: «Мы здесь власть». «Власть»... Скорее взбесившиеся животные, охреневшие от безделья и безнаказанности.

Сначала казалось, что поорут и разбредутся, как обычно, ведь их лидеров уже отправили в кутузку. Но на этот раз вышло иначе: внутри молодежных

групп обнаружались боевики. Что ж, действенный прием: создать из неуравновешенного молодняка, вечно чего-то требующего и чаще всего вообще не понимающего собственных рекламаций, живой щит.

Выстрелы... Падают знакомые парни в оцеплении, к ногам Юры катится зеленое ребристое «яблоко», он замороженно смотрит, как оно крутится в метре от него, и не может пошевелиться. Кто-то падает на гранату грудью; кто это, Юра так и не понял — форма чужая, ни шлема, ни кирасы. Он встречается с ним взглядом, это глаза безумца, в них нет ни страха, ни ненависти, они пустые, подобных Жданов никогда не видел. Мужика подбрасывает вверх сантиметров на двадцать...

Юра пришел в себя через минуту... Когда он успел рухнуть на брюхо?.. Вокруг уже идет активная стрельба, где-то громыхают ружья, треск пиштолетов-пулеметов, в паре метров от него из своего «огрызка» садит майор Рокотов и тут валится на спину, сфера прыгает по брусчатке, лица у Олега больше нет.

И вот Юра в грязной темной подворотне, за спиной в городе слышны выстрелы. Откуда такая прорва оружия в столице? Откуда огневые точки на крышах? Как спецслужбы проморгали вооруженную провокацию? Скольких он убил сегодня? Четверых? Вроде да, но он убил, поскольку они пытались убить его, пуля, зацепившая бедро, — лучшее доказательство.

И тут стучат каблучки, кто-то вбегает в арку. Юра замирает, он видит только силуэт. Это женщина, она, судя по яркому пятну, в белом плаще.

Он рывком сбивает ее с ног, белое, хоть темень вокруг и только луна изредка пробивается сквозь тучи, отлично видно его противнику в арке входа. Две пули ударяют в спину, броник изорвало осколками еще два часа назад. Адская боль в районе лопатки, но, похоже, ранение не такое уж серьезное.

Девушка под ним кричит и ворочается, уши закладывает от ее визга, голову заполняет туман.

Жданов не слышит, как идет к нему бритый крепыш. Тело капитана пинком сбрасывают с девицы, ствол старого револьвера, какая-то переделка из газового, приближается к груди капитана.

— Сдохни, мусор, сдохни, сдохни... — как заведенный шепчет лысый, его подтяжки свисают до колен.

Все силы Юры уходят на то, чтобы в тот же момент навести ствол на пах противника и выстрелить, одновременно хлопает «пугач» бритоголового. Последнее, что видит капитан, — противник зажимает руками прострел внизу живота и валится на воняющий мочой асфальт. Темнота.

Глава 1

Больно... Юра выплыл из небытия и понял, что жив. «Мыслю, следовательно, существую», — металась в голове одинокая думка, пробиравшаяся через лабиринты боли. Но он ведь почувствовал удар в грудь! Пусть пулька была мелкая, а боднула как большая, примерно туда, где сердце. Казалось, он не мог выжить.

Юра вздохнул поглубже, грудь тут же откликнулась острой болью. Было тихо и ничем не пахло, даже лекарствами.

— Эй! — негромко позвал Жданов.

Голос не рассеялся по помещению — похоже, капитан лежал в каком-то маленьком изолированном пространстве. Пошевелив руками и удостоверившись, что они ему подчиняются, как, впрочем, и ноги, он быстро обшарил стенки «темницы». Три минуты обследования прояснили, что он в трубе, которая запаяна с двух концов. Рост его — метр восемьдесят пять, значит, сам объект длиной около двух тридцати, с диаметром примерно метра два. Широкоплечему Юре здесь было вполне комфортно.

— Мясо, хватит валяться, — раздался откуда-то веселый голос. — Давай выбирайся из капсулы, знакомиться будем.

— А как? — спросил в темноту Жданов.

— Над головой рычаг, потяни на себя, дверка и откроется.

Нащупав рукоятку, бывший мент долго думать не стал и потянул за нее. Что-то щелкнуло, и со звуком гермозатвора крышка медленно с шипением отошла в сторону. Жданов ухватился руками за край, начал, не торопясь, вытягивать себя наружу. Ситуация была так себе...

Если он умер, то что он делает в этой трубе? Если он жив, то какого хрена он делает в этой трубе?

А еще снаружи был свет. Тусклый, но его хватило, чтобы ослепить привыкшие к темноте глаза. А еще там был человек, который наверняка знает ответы на его вопросы.

— Лезь давай, мясо, — услышал он тот же голос. — Не бойся, не трону я тебя.

Юра, перехватившись за какой-то поручень, вытянул себя окончательно, после чего обернулся и увидел говорящего. Тот был невысокий, рыжий, веснушчатый, с хитрой рожей, бегающими глазами, худой и жилистый.

— Да садись ты уже, — предложил незнакомец, указывая на табурет, изготовленный из какого-то слегка светящегося пластика.

Табурет казался ультрасовременным — одна изогнутая толстая ножка, круглое сиденье. Сам же приветливый хозяин этого загадочного пространства — или не хозяин? — сидел на точно таком же.

— Ну, болит у тебя головушка? Ничего, пройдет, — произнес он, видя, как Юра морщится и потирает лоб и виски. — Тут у всех болело поначалу. Это нормально, скоро закончится.

И точно, боль как будто стала уходить, голова, правда, оставалось тяжелой, словно Юра спарринг против Тайсона выстоял. Глаза уже привыкли к тусклому освещению, и Жданов смог осмотреться: маленькая комната, в ней еще три точно такие же трубы, все открыты, рыжий сидит на табурете, у стены стол, там еще несколько идентичных пластиковых стульев. Два металлических шкафа блестящих, словно из серебра, похоже, заперты. А вот что ему больше всего не понравилось, так это отсутствие двери. Ее просто не было.

Он никак не мог понять, где находится и почему, ведь не могла же ему присниться эта мерзкая подворотня. И места, куда попали пули, болели вполне ощутимо.

— Я умер? — решился он наконец задать главный вопрос.

— Кто тебе такую дурь сказал? — удивился рыжий парень. Он был в черных штанах с карманами, высоких полусапогах из странного материала, чем-то напоминающего то ли резину, то ли мягкий пластик. Поверх майки — темно-серый жилет с кучей карманов, на поясе — в примитивной кобуре обрез незнакомого карабина. — Хотя в чем-то ты прав, там умер, тут воскрес. Меня, например, представляешь, поезд сбил, и не абы какой, а скоростной, триста километров в час. Правда, если честно, меня под него пристроили, я там адвокатом подвизался, и, похоже, кто-то из клиентов решил обезопасить свои тайны, — пояснил рыжий. — Но ничего у них не вышло, все предусмотрено: я оставил где надо бумагу, что в случае моей смерти весь компромат сразу в прессу и в прокуратуру уходит...

Знаешь ли, все, кто сюда попал, умерли не своей смертью, и в девяноста девяти процентах случаев эта смерть была насильственной. Кстати, как ты умер?

— Утырок какой-то всадил две пули из «пугача» в спину, когда женщину пытался прикрыть, а потом в грудь еще одну.

— Да ты герой, — радостно осклабился парень, — такие люди нам нужны. Правда, есть минус — не живут,дохнут быстро... — Он сделал паузу и тихо добавил: — А потом превращаются.

— В кого? — хлопнув глазами, озадачился Юра. Все это было похоже на дебильный розыгрыш, и если бы он не был уверен, что помер в той подворотне, то решил бы, что это реально какая-то фигня.

— Вот в него. — Парень покрутил на запястье широкий браслет, из которого возникло виртуальное меню, и, загрузив альбом, показал объемное изображение.

— Ух ты, это что?!

— Знакомься, это мусорщик, а мы мусор, а место, в котором ты оказался, мы называем Свалкой. Именно так, с большой буквы. Хотя официально оно называется Вышеград. Да, кстати, где мои хорошие манеры? Зови меня Ржавым, я здесь ловчий, привратник. Не представляйся, мне твое имя без надобности, все равно тебе Система новое призоит.

— А если мне старое нравится?

— Да пожалуйста, хочешь — оставь его, но потом не обижайся. Кстати, вот тебе первый урок, мент: никогда не называй свое настоящее, земное

имя первому встречному, и второму не называй, и третьему. И вот когда ты проведешь с человеком под одной крышей хотя бы неделю и будешь уверен, что он не ударит предательски в спину, вот тогда можете на ушко друг другу шепнуть имена.

— В чем фишка? — не понял Жданов.

— Зная настоящее имя объекта, любой сможет обнаружить его на Свалке. Ведь тебя находит только Система и те люди, которые с тобой в чате связаны, а вот зная имя, найти тебя сможет любой. Кроме того, тут некоторые владеют подчинением, а значит, могут тебя ненадолго захватить, но опять же нужно истинное имя.

— Что ж ты мое не выпытал? Я же лох.

— Эх, мясо ты мясо, — тяжело вздохнув, произнес рыжий, — нельзя так плохо о людях думать. Не все же такие. Ты здесь пару часов всего и даже не понимаешь, в какую переделку угодил. Ты сейчас на пересылке, я привратник, работенка у меня такая непыльная. А насчет того, что не выпытал, так без надобности оно мне. Как бы тебе попроще объяснить? Ты еще не прописан, тут тебя вроде как бы нет. А значит, и имени твоего тоже нет. Вот занесет тебя Система в списки расходного материала, тогда и будешь скрывать свое имя.

— А что на будущее не спросил?

— Так забуду я его. Система сотрет всю информацию о тебе, как только мы расстанемся. Ну, останется при мне нечеткий образ мужика, ну, может, что из разговора вспомню, малозначительное, и всё. Увижу на улице — даже не узнаю. Так происходит каждый раз, когда я встречаю очередное мясо. Так что никому не говори своего имени, а мо-

жешь другое придумать, если тебе уж так хочется быть Серегой, а не Ментом.

— Да, странные у вас тут места.

— У нас, — поправил Ржавый.

— С чего ты такой словоохотливый?

— Да есть грешок, болтун я тот еще, мало кто со мной из-за этого общаться хочет, вот и ты на рассвете уйдешь. Но пока есть у меня пара часов, поболтаю, и из одного ничего не понимающего куска мяса сделаю заготовку человеческую, чтоб, когда ты из этого отстойника выйдешь, добрался до точки, а не сдох на трехсотом метре. Пить хочешь?

Юра кивнул.

— Вода, обычная, — протянув какую-то колбу необычного дизайна, произнес рыжий.

Жданов сделал несколько глотков, стало легче. Он завинтил крышку и вернул бутылку.

— Так что это за свалка?

— Свалка, — уважительно протянул собеседник, — с большой буквы, и никак иначе. Свалка человекoв. Над нами огромный город в три яруса. Каждый день на Свалку тысячи попадают, но выживают далеко не все, один-два из сотни. Понимаешь, город — единственное относительно безопасное место на этой безумной планете. Не могу сказать тебе, где она находится, просто не знаю. Но сейчас ты в самом низу социальной лестницы, ниже тебя только отбросы за периметром.

— И давно ты тут?

— Считай, я абориген, здесь я примерно с полгода. Знаю, сейчас спросишь: а как отсюда выбраться?

— Ну, почти угадал, — усмехнулся Жданов. — Я хотел узнать: что находится вокруг города?

— По порядку... Вокруг города — выжженные земли, а мы вот сейчас в одном из бункеров первого оборонного пояса. Так вышло, что только в некоторых местах можно разместить отстойник, ну или пересылку, так мы зовем это место. Это изолированная зона, куда никому, кроме меня, хода нет. Всего в каких-то трех километрах отсюда — граница обитаемых земель, силовой купол, накрывающий весь город и наш рубеж. Но, бывает, прорывают эту защиту. Жить тут можно, и чем дольше выживаешь, тем выше поднимаешься в обществе. В Вышеграде жизнь кипит. Люди тут меняются, постоянно учатся новому, улучшая свои способности, уровни развития. Мы солдаты, вернее некоторые из нас, я просто привратник на теплом местечке.

— И в чем смысл вашего бытия? — поинтересовался Жданов, ему все больше не нравилось место, в которое он угодил.

— Нашего, — поправил Ржавый, — если, конечно, не сдохнешь до контрольки. Теперь про наше бытие. Система, которая управляет всем внутри купола и кое-чем снаружи, дает различные задания, мы их выполняем или умираем. Если умираем, становимся мусорщиками — много их там, в руинах, по ночам бегает. Твари они лютые, обитают на выжженных землях, пробиваются и под купол. Но вообще на выжженных землях идет постоянная война, там и боевые роботы, и андройды-убийцы, слетевшие с катушек, дроны, мусорщики, ну и люди, которые отринули Систему. И все они пытаются пробраться под купол, и у некоторых это получа-

ется. А под землей еще обитают те, кто пережил большую войну.

— Большая война?

— Ты не на Земле, да я это уже говорил, я даже не уверен, что это наша галактика. Это планета Эдем.

— По описанию совсем не похоже на Эдем, — усмехнулся Юра.

— Не похоже, — согласился Ржавый, — раньше это было раем, потом узнаешь историю, сейчас не важно. Здесь, на планете, был огромный полис, город-государство, настолько огромный, что его населяли одиннадцать миллиардов жителей. А потом окраины взбунтовались, и началась большая война. И вот от рая остался этот купол, раньше место под куполом можно было назвать правительственным кварталом. Все остальное погребло в огне. А Система была всегда, она управляла жизнью мегаполиса. Неосолдаты, которые начали большую войну, давно умерли, и вот придумала Система таскать сюда нас, землян. Так что служи ей или умри. А чтобы тебе было приятней служить, можешь считать, что защищаешь свою родину, ведь именно колонисты с Эдема основали первое поселение на планете Земля, на нашем шарике. Хочешь угадать название того поселения?

— Эдем.

— Молодец, возьми с полки пирожок. Потом у них что-то разладилось, и прямой канал между Землей и планетой Эдем исчез навсегда. Так что, считай, что за папку с мамкой воюешь.

— Ага, прям у меня заряд патриотизма проснулся. Где мой автомат? За родину-у, за Эдем!